

О ЖИЗНИ И ДУШЕ

Лишь подопреешь голову ладонью да сомкнешь глаза — на какие-то минуты, как перед внутренним взором оживут в лицах минувшие годы. Они — горькие и великие — словно этих минут и ждут, чтобы возникнуть из забвения и жаркой явью вновь пронестись в нашем сознании. Чтобы напомнить о себе той жесткой правдой, которую ныне всячески хотят извратить и охаять в угоду уже иным лжеистинам. И вот два потока жизни — внешний, несущий тревоги и страх, и внутренний, обнажающий память и совесть, — сталкиваются в нас и лишают духовного простоя.

«Это было в эпоху коммунизма» — так, похихикивая, говорят уже о годах, прожитых нами.

О годах, прожитых вместе с Шолоховым и Твардовским, а если взглянуть поближе к нам, северянам, то вместе с Федором Абрамовым, Александром Яшиным, Сергеем Орловым. Уж этих-то мужественных и талантливейших людей никак не упрекнешь в раблепии или в слабости духа. Они были из кремневой породы. Жили своим умом. Горели своим огнем. Шли к людям с добром. И рано оборвались их жизненные пути, У Александра Яковлевича Яшина — в 55 лет, у Сергея Сергеевича Орлова — в 56, у Федора Александровича Абрамова в 60 с небольшим лет. Они и помнятся нам молодыми. Озабоченными. Бескорыстными.

«Это было в эпоху коммунизма» — слышатся смешки то тут, то там. Возмутительно это наглое злоязычие! Оно лживо! Ибо народ в своей будничной глубине, как прежде жил, так и ныне живет скудно и трудно. Он, как тогда спасался, так и теперь спасается не показным радением власть предержащих, а лишь своим тысяче-

летним инстинктом выживания. Народ, ужавшись, сам в себя, «пашет» свою судьбу, а бюрократия и чиновничество — любое, хоть советское, хоть несветское, хоть коммунистическое, хоть демократическое — вититствует, благоденствует и размахивает своими программами. И два эти слоя жизни: один показной (поверху), другой скрытный (понизу) никогда не сливались и не сольются воедино. Ни в пору уже «минувшего коммунизма», ни в теперешнюю пору какого-то наступающего капитализма.

Все это хорошо знали-понимали и Абрамов, и Яшин, и Орлов, знали не из каких-то секретных источников, а из страданий за родных, из той политики, которая десятилетиями велась вкривь и вкось, подобно мучительному и все более непроезжому гигантскому тракту в огромной стране.

Я понимаю, с каким трудом приходилось, к примеру, Федору Абрамову пробиваться на трибуну писательских съездов в Кремле. В президиуме всегда боялись, что он сгоряча выскажет ту страшную правду о нашей жизни, которую знает и несет в себе, но о которой, по мнению писательского руководства, другим знать еще рано или вообще не следует. Но, пробившись-таки на трибуну с государственным гербом, Федор Александрович рубил правду-матку, и Большой Кремлевский дворец — еще задолго до нынешних смельчаков-депутатов — замирал и взрывался овациями от такого гражданского мужества.

Для наступившей власти демократов уже не важны (просто не нужны, даже опасны и вредны?) ни талантливость писательская, ни ученость истинная, ни правдивость совестливая —

ничего из этого ряда святых понятий и обретений демократам, дорвавшимся до власти, не нужно. Им нужна лишь позиция, совпадающая с их позицией. Будь ты хоть подлец из подлецов, но вырази свою позицию под стать им, и ты для них уже свой человек. Вот до чего мы дожили...

Почему русская классическая литература стала так трудна, а време-

ДУМ

СКОЛЬКО БЫ НИ Ж
ДУША НЕ ПЕРЕСТАНЕТ
БУДЕТ ВСЕГДА ТОСКОВАТЬ В ОЖИ
ЧИСТОГО И ВЫСОКОГО В П

нами и чужда нынешним школьникам! Да потому, что эта литература, исполненная сострадания к человеку, благородства порывов души, пронизанная патриотизмом, самоотречением и чувством долга, по своим главным идеалам оказалась слишком высока для нынешнего потребительского, эгоистического сознания подрастающего поколения. Они в классике видят как бы укор себе, они не смогут постичь ее мудрости узостью своего «сегодня», им подай доступную развлекательность, зрелищность и пустой детектив жизни...

Горько все это, очень горько!

В одном из давних писем В. П. Астафьеву я написал, что годы (1970—1980), прожитые совместно в Вологде, были разными: то жаркими и веселыми от праздников дружества, то холодными и злыми от споров-раздоров. И при всем этом годы, прожитые бок о бок тогда, оказались поистине великими для совместной работы и для совместного осознания самих себя и проклятых вопросов современности.

В том, «вологодском десятилетии», изначально светился некий бо-

жественный промысел для всех нас, а особенно для троих — Василия Белова, Николая Рубцова и самого Виктора Астафьева — еще просиял тогда и полдень их трех гениальностей... В этом я молчаливо и давно убежден.

А в печати нашей, в книгах, как в них живет сейчас русскому духу?

Спешно, чтобы бухнуть в колокол прежде других, пишутся и пишутся воспоминания, записки, очерки, статьи, рассказы, повести, даже романы — и все кое-как, по-вокзальному, лишь бы «застолбить» свое имя...

Боже мой! Вот почему такая тоска по художественности, когда русское слово вновь осветится далью веков, когда в свежести сегодняшнего звука вновь оживет просторный гул Родины... Да, да, да!

Поэзия — это душа человека в своем озарении или раскаянии. И если оскотинившиеся люди, толкущиеся ныне у лотков с погаными книжонками о сексах, не очнут, не стряхнут с себя эту навязанную им одурь, то Поэзия уйдет от них навсегда...

Уйдет она, я думаю, в сторону Русской православной церкви, ибо там — другой русский народ. Такие понятия, как «гражданство», «добродетель», «милосердие», «отчизна», «духовные святыни» все более перемещаются из загаженных общественно-социальных сфер в возрожденческие потоки Православия. Там уже много народа. Хоросшего народа!

Вспомнилось мне, как однажды вечером (10 июня 1988 г.) слушал я по радио праздничный концерт из Большого театра, посвященный 1000-летию крещения на Руси. Какая музыка, какое пение! Больше трех часов сидел, не тронувшись с места, все слушал, слушал, — и все было

мало! Кажется, впервые душа соприкоснулась с музыкой веков и обрела простор милосердия, покаяния и небесной чистоты. Как я жалел, что моя мать не дождала двух годов до этого дня, когда голос русской православной церкви зазвучал по всенародному радио, и вся Россия на эти три часа превратилась в немыслимо огромный и образно засиявший храм нашей тысячелетней Веры! Как бы счастливо плакала мать и крестилась, и замирала бы исстрадавшейся душой своей от света долгожданного праздника!..

Как было бы легко моей матери после всенародно зазвучавшего церковного пения и гласа проститься со всеми нами и спокойно умереть, сойти с облегчающими слезами в тот пресветлый мир, в который она верила... Да и сам я, уже седой человек, слушая духовную музыку, проникался неведомой дотоле глубиной и высотой нравственного самопознания, ощущая, как теснятся во мне сумерки заблуждений и как пресветло — радостно вливается взамен откровения земли и неба, человека и Бога, мига и вечности. Духовная музыка объяла меня всего, как золотистое облако, и вознесла высоко-высоко, и с той высоты такими ничтожными и жалкими представились взору моему мои собственные следы по жизни.

Во мне возникло страстное желание покаяться в ошибках, которые уже были забыты, а тут вновь открылись во всей своей неприглядности; стать добрее, терпимее, милосерднее к людям...

И подумалось мне: христианская исповедь и молитва — это вечное развитие души к лучшему своему состоянию, это бесконечное самоусовершенствование человека, его каждодневный духовный рост в высоту добра, совестливости и житейской праведности ...

Я слушал духовную музыку и плакал радостно, просветленно, самоукризованно...

МЫ

НИ ЖИЛ НА СВЕТЕ,
НЕ ДАЕТ ЖДАТЬ ПЕРЕМЕН
В ОЖИДАНИИ ЧЕГО-ТО ХОРОШЕГО,
ТО В ПРЕДСТОЯЩИХ ГОДАХ.

